

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию Прус Ирины Владимировны

«Дискурсивные стратегии, практики соучастия и технологии изменения себя в антиэйджистских веб-сообществах»,

представленную к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография

Положение ребенка в обществе и его социальное самочувствие обеспечиваются не только институтами и формами взаимодействия детей и взрослых, но и глубоко встроены в язык, который определяет место возрастных групп в социальной структуре через речевые практики, способы их трансляции и формы контроля. Проблема социального осмысления возрастных различий рассматривается в диссертации И. В. Прус сквозь призму формирования и динамики дискурса антиэйджистских веб-сообществ в русскоязычном сегменте интернета.

Тема и проблематика исследования относятся к остро актуальным, прежде всего, потому, что детей в современном обществе во многом воспитывает и образует интернет, особенно в обстоятельствах постоянного и малоэффективного реформирования соответствующих институтов. Важно, в каких веб-сообществах и почему участвуют дети, какие возможности и риски связаны с социализацией в этих сообществах.

Культурно детерминированное переживание возрастных различий, стремление преодолеть предписанные статусы проявляются в различных, часто лишь внешне противоположных тенденциях – индикаторах актуальных социальных проблем. Наряду с широко обсуждаемым сейчас процессом инфантилизации «молодежи», считающей своим правом не нести ответственности за собственное жизнеобеспечение и как можно дольше оставаться под опекой родителей, сохраняются вполне традиционные эмансипаторские установки и протестные практики детей и подростков.

Диссертация И. В. Прус новационна не только потому, что является первым исследованием антиэйджистских русскоязычных сообществ несовершеннолетних. В ней применен нестандартный для антропологии детства подход, при котором, в частности, устанавливаются аналогии между академическим, политическим дискурсами о детях и автоописаниями самих «дискриминируемых», и все эти языки рассматриваются в широком контексте проблем влияния гуманитарного знания на «социальное воображаемое» детей и подростков и на формирование «низовой социальной критики».

Большими достоинствами диссертации являются ее концептуальность, теоретическая и методологическая основательность, широкий охват направлений гуманитарного знания с акцентом на интеллектуальных контекстах антиэйджистского дискурса. Работа опирается как на труды собственно по антропологии детства, так и на философско-антропологические и политико-антропологические теории, «новую социологию детства», исследования в области цифровой антропологии и др.

Проблемное поле диссертации очерчено ясно, цель и задачи формулируются четко, как и положения, вынесенные на защиту.

Эмпирическую базу составили материалы полевого исследования, представительный архив публикаций, собранный в процессе работы (свыше 7 тыс. записей 4-х веб-сообществ), а также дополнительные архивные и опубликованные источники, законодательные акты, специальная литература.

Методика исследования глубоко продумана, разработана и подкреплена теоретически. Она включала применяемые в цифровой антропологии полевые методы: соучаствующее (включенное) наблюдение, которое предполагает общение с участниками в группах и пабликах и интервьюирование активистов и администраторов веб-сообществ. Работа сфокусирована на ключевом понятии, определяющем горизонт полевого исследования. В частности, иницирующую роль в беседе выполняло предложение «поговорить об антиэйджизме». Предметом разговора стали и материалы диссертации, с которыми были ознакомлены участники, что имело образовательное значение.

Текст диссертации выстроен в соответствии с обоснованной авторской логикой. В четырех главах последовательно рассматриваются технологические и социально-культурные условия становления антиэйджистского дискурса в их динамике на материале четырех групп и пабликов (глава 1), анализируются дискурсивные стратегии в веб-сообществах (глава 2), исторический и интеллектуальный контексты антиэйджистских теорий (глава 3), автобиографические нарративы, в которых артикулируется процесс становления и «деконструкции» антиэйджиста, демонстрируется техника «производства себя» и проявляется трансформация отношений между антропологом и информантами (глава 4).

Авторские интерпретации, положения имеют развернутую аргументацию, подтверждаются текстами и данными наблюдений.

Последовательное использование методики способствовало реконструкции идеального типа изолированной группы, замкнутой внутри своих пабликов и находящейся вне культурных контекстов, которые предлагают альтернативные психотерапевтическому и политическому сценарию поведения, интерпретации, технологии самонаблюдения. В

диссертации хорошо показано, как антиэйджистский дискурс становится и способом самоидентификации, и универсальной объяснительной моделью для очень разных социальных явлений: насилия в семье, непрофессионализма педагогов, фактов девиантного поведения, третирования учениками не нравящихся им учителей, родительской опеки и много другого.

Будучи в высшей степени содержательной, диссертация вызывает немало вопросов и ряд сомнений и возражений, вот некоторые из них.

1 Для обозначения субъекта высказываний – тех, кто говорит от лица «детей», – в диссертации наряду с номинациями «авторы-антиэйджисты» и «участники» используются «молодежь и школьники», «несовершеннолетние и молодые люди» (разнопорядковые понятия), «дети и подростки». Если в изучаемом и других научных и общественных дискурсах они могут по-разному употребляться, объединяться, разграничиваться, то в тексте конкретного исследования нужны авторская интерпретация и операционализация понятий. Означает ли их отсутствие, что в контексте эйджизма и антиэйджизма релевантна только пара признаков старший / младший? В таком случае как определяются понятия «детский взгляд на мир» или «детская тема»? В этой связи все-таки нельзя обойти и понятие «взросления», с которым, в частности, связан вопрос: коррелирует ли смена стратегий дискурса с тем, что понимается под «этапами взросления» в разных науках о детстве?

2 Материал исследования относится к русскоязычному сегменту интернета, а в него, очевидно, включаются участники из бывших республик СССР, других стран, в которых другое законодательство, официальные возрастные категории с соответствующими правами и официальные дискурсы. Учитывался этот фактор и может ли он быть учтен, когда речь о веб-сообществах?

3 Не до конца ясно, что понимается под «культурной и исторической спецификой дискурса» в данном случае. Опираясь на принцип исторической контекстуализации современного антропологического поля, автор уточняет, что историко-культурный контекст, необходим для понимания политической и общественной рецепции «детского вопроса», соответствующей риторики и идеологием, «актуальных для русскоязычной публичной сферы» (с. 15). Понятия «эйджизм», «антиэйджизм», антиэйджистские сообщества как «фрагмент современности» обладают значительно меньшей «исторической глубиной», чем питающие их дискурсы, коренящиеся в культуре и языке. Среди агентов дискурсивного (историко-культурного) влияния на риторику и идеологию антиэйджизма в работе обоснованно выделяются современные феминистский, психоаналитический и политический дискурсы. Создается

впечатление, что спектр историко-культурных контекстов ими и ограничивается. Вместе с тем культурные обусловленности оказываются более глубокими и разнообразными, особенно если отодвинуть нижнюю хронологическую границу за рамки 1970-х гг. и обратиться к культурно-языковым основаниям дискурса. На риторику русскоязычных текстов об угнетаемых и страдающих в семье и обществе детях исторически влияла русская литература и XIX-начала XX вв., обладавшая значительным социально-критическим потенциалом, и советская, в том числе детская. Она широко тиражировалась, читалась и отчасти продолжает читаться с развитием мультимедийной культуры. Этот фактор, который вряд ли может включаться в понятие «произведения культурной индустрии», заслуживает упоминания, даже если его действие не выражено и развивать тему нет необходимости.

4 Если рассматривать «борьбу за равноправие детей» как деятельность, имеющую социально-политическое обоснование, и как «дискурсивный проект», то не стоит отказывать этим явлениям в наличии истории, отталкиваясь лишь от моментов создания академического дискурса, соответствующей терминологии и веб-сообществ. Так, в раннесоветской истории был не самый удачный опыт деятельного подросткового активизма, «самоуправления», дискурсивно сопряженный и с анархистской, и с официальной политической риторикой борьбы «с угнетением» «за равенство», и с социальной критикой неэффективности государственных реформ. Этот опыт отражен в научной и художественной литературе. Концептуальные основания юных борцов за равноправие в начале 1920-х гг. включали категоризацию и «прав», и «обязанностей» – в отличие и от американских, и от новых русскоязычных антиэйджистов, как позволяет о них судить диссертация (с. 146–147).

5 За рамками остались семейный историко-культурный контекст и дискурс. Судя даже по фрагментам трех интервью, есть корреляции между социально-культурным типом семьи и детской агентностью, эйджистскими или антиэйджистскими установками, наличием и формами протестного поведения, способами его обоснования, проектированием будущего и т.д.

6 При анализе материала из поля зрения во многом выпадает содержательный аспект дискурса, или совокупность мотивов, которые составляют антиэйджистский нарратив. Какие именно «типологически несопоставимые» коммуникативные ситуации стали интерпретироваться и риторически оформляться в качестве проявлений эйджизма в текстах участников групп и пабликов? Можно ли систематизировать «точки входа» в антиэйджизм: события и обстоятельства, приведшие в сообщества? Выявляется ли набор историко-культурных аллюзий, цитат в высказываниях

– на материале рассмотренного корпуса текстов? Общение в интернет-группах по форме и сути полилогическое. Какие факты, интерпретации становились предметом обсуждения, столкновения разных точек зрения? Очевидно, это дело дальнейшего.

7 В диссертации неоднократно используется понятие «антиэджистский проект». Кто является субъектом «проектной» деятельности: некий коллектив, инициаторы его создания, микрогруппа активистов, участники, обладающие наибольшими языковыми и литературными компетенциями? Влияние феминистского, психоаналитического и политических дискурсов на антиэджистский дискурс представлено достаточно убедительно для того, чтобы усомниться: это вернакулярная практика или заимствованные технологии? Думается, для ответа на вопросы, является ли формирование антиэджистского дискурса в большей степени управляемым процессом или вернакулярным, и насколько в нем проявилась «детская» агентность, недостаточно данных. Во-первых, это касается ролевых отношений в группах, можно только предполагать, что культуротворческая роль принадлежит руководителям, «к которым иногда присоединялся кто-то из взрослых, “журналист” или с “опытом ведения публика”» (с. 31), и активистам, которые чаще других высказываются. Во-вторых, коль скоро дискурс представляет речевую практику, показать «преобразующую» деятельность субъекта можно лишь с привлечением филологических методов анализа текстов. В этой связи не кажется корректным утверждение, что антиэджистский дискурс «создан с нуля». Бесспорно, на «нулевой» отметке находилось новое ёмкое понятие, заменившее «борьбу с дискриминацией по возрасту», в частном случае – детей.

8 Имена («ники») участников пабликов и групп часто уменьшительные, даже если субъектам 20 и более лет. Как соотносится тенденция к инфантилизации самопредставления, наблюдаемая в публичной сфере, с детско-подростковым «антиэджистским проектом»?

В целом, обладающие большой научной ценностью материалы и результаты диссертации И. В. Прус представляют новый виток истории универсального конфликта «отцов и детей», который воспроизводится каждым поколением в меняющихся социально-культурных контекстах, постоянно пересобирается и переартикулируется, сейчас уже в киберпространстве.

Автореферат полностью отражает содержание диссертации.

Диссертационное исследование И. В. Прус «Дискурсивные стратегии, практики соучастия и технологии изменения себя в антиэджистских веб-сообществах», представленное к защите на соискание ученой степени канд.

ист. наук по спец. 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография, отвечает квалификационным требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, и соответствует пп. 9-11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (в редакции от 1 октября 2018 г.); оно вносит вклад в антропологию детства, цифровую антропологию, антропологию знания, содержит решение актуальной научной задачи и новые материалы, перспективно для практического использования; работа обладает внутренним единством, свидетельствует о личном вкладе автора в науку; предложенные положения аргументированы, основные результаты опубликованы в 9 научных статьях, в том числе 4 в рецензируемых периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Ирина Владимировна Прус заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук (07.00.07)

главный научный сотрудник

Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиала ФГБУН
Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук»

184209, Мурманская область, г. Апатиты, мкр. Академгородок, д.40А

Тел. 8-81555-79440; e-mail: i.razumova@ksc.ru

Разумова Ирина Алексеевна

03. марта 2026 г.

Раш

*Зорисей Разумовой Ирине Алексеевне
главного научного сотрудника-доктора
исторических наук заверено 03.03.2026*

*Мониторинг гуманитарных
проблем Баренц региона филиала
ФГБУН ЦЕНТРАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ОФРН*
от т.н.н.с. к.и.н.с. РАН
Шев М. А. Шавиц